

ОСТЕН И. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ОСТЕН Иван Николаевич, родился в 1863. Кадровый офицер царской армии, в 1905 — служил в Павлоградском драгунском полку, с ноября 1907 — после увольнения назначен уездным исправником и пограничным комиссаром в Россиенский уезд, с 1913 — уволен со службы, с 1918 — служил в военкомате Череповецка. В июне 1919 и в июле 1924 — арестовывался, затем освобождался. Осенью 1925 — арестован, в декабре приговорен к 8 годам ИТЛ и отправлен в лагерь.

В июне 1928 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой из больницы доктора Гааза в Ленинграде.

<25 июня 1928>

«Милостивая Государыня,
глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Вы служите страждущему человечеству или великому и святому делу. Я был осужден в декабре 1925 г<ода> Череповецким Губ<ернским> судом на 8 лет строгой изоляции, по ныне 58 ст<атье> п<ункт> 13 УК за участие в подавлении революции 1905 г<ода>, когда была призвана буквально вся быв<шая> царская армия, от младшего солдата до старшего генерала.

Но не все ведь начальники или бывш<ие> офицеры действовали тогда активно и проливали кровь братьев своих, и я случайно как раз был в той местности и в такое время, когда там не было никаких волнений или эксцессов, и мне пришлось действовать совершенно пассивно, без единой капли крови и действовать не оружием, а добрым словом и убеждением. Осужден я был в 62 года, совершенно больным стариком, и беспримерно жестоко, совершенно без каких-либо улик или достаточных данных. Предварительное и судебное следствие — это лишь мои персональные показания. Дело началось в 1918 г<оду> по анонимным доносам; я тогда служил в Черепо<овецком> военкомате и на вопрос комиссара я ответил сразу совершенно откровенно, что в 1905 г<оду> я был на подавлении революции, куда была призвана тогда вся русская армия, я был с эскадрой Павлоградского драгунского полка. С сентября 1905 г<ода> до конца декабря того же года под Митавою и в Риге, а с начала декабря 1905 г<ода> до конца апреля 1907 г<ода> в Шавельском и Россиенском уездах Ковенской губ<ернии> — предварительное следствие началось в июне 1919 г<ода>, когда я был в заключении 7 недель, и продолжалось в июле 1924 г<ода>, когда я был в заключении 2 недели, итого 9 недель я был в заключении до предания меня суду.

В 1925 г<оду> опять продолжились допросы в ГПУ, который получил из архива копии двух документов: письмо бывш<его> Ковенского губернатора Веревкина от 28 апреля 1907 г<ода> к командующему войсками Виленского военного округа, где Веревкин аттестовал меня, как выдающегося офицера за пребывание мое у него в губернии, но подчеркнул в письме, что действия мои были строго закономерны, военного положения тогда в Ковенской губернии не было, ибо по письму видно, что Веревкин губернатор имел гражданский чин, а следовательно, все действия мои там могли быть только мирного характера, и, согласно с инструкцией Начальника Сев<еро>-зап<адного> края, т<о> е<сть> гражданского генерала-губернатора губерний Виленской, Ковенской и Гродненской, я исполнял его предписания и я исполнял свой служебный долг.

В 1919 г<оду> я из заключения через свою жену передаю совершенно сознательно и добровольно свой служебный формуляр в ЧК, из коего видно, что в октябре 1907 г<ода> я был уволен от военной службы и в

ноябре того же года я был назначен уездным исправником и пограничным комиссаром с Пруссией в тот же Россиенский уезд, где я был только 1½ года на подавлении революции. Уволен я был от службы военным начальством, очевидно, за не блестящие мои действия, коих оно не признало и уволило меня, как не соответствующего назначению, ибо, если бы оно признало мои действия выдающимися, то не уволило бы, и я бы имел много наград, т^е е^{сть} чинов и орденов, кои сыпались в то время всем, даже младшим прапорщикам, а у меня в формуляре ни одной награды не оказалось. 30-го ноября я принял Россиенский уезд, и население этого уезда вполне охотно и доброжелательно встретило меня, не помня никакого зла, коего я ему, очевидно, не сделал. Я пробыл там 4 года и, когда в 1913 году уже из Поневежского уезда я был опять уволен от службы под давлением Ковенского губернатора Грачева, известного реакционера и пьяницы, то население моего родного Россиенского уезда (делегация), узнав о моем увольнении, принудило губернатора Грачева вознаградить меня за службу ему, населению, с 1905 по 1911 г^{од}. И второй документ, полученный ГПУ из архива, это копия рапорта губернатора Грачева в октябре 1913 г^{ода} министру внутренних дел с ходатайством дать мне пенсию за выдающиеся заслуги в двойном размере 200 р^{ублей} в месяц. Мои заслуги оценил народ, коему я служил всю жизнь на военной службе, своему брату-солдату, и на гражданской — населению 400 тысячного пограничного уезда. На суде у меня были три свидетеля о моей службе в Красной Армии и 6 свидетелей бывших солдат моей роты военного времени. Первые трое свидетелей показали, что я провел четыре мобилизации и принял более 1000 лошадей в самый серьезный момент революции, в момент формирования Красной Армии. Они показали, что я служил тогда не за страх, а за совесть и переходил р^{еку} Суду в декабре 1918 г^{ода} пешком по колено в воде на пути на сгонный пункт лошадей, и тогда же ехал с комиссией ночью на тормозе товарного вагона 2 перегона при буре и морозе, будучи больным стариком. При деле моем в Суде имеется удостоверение Череп^{овецкого} тер^{риториального} управления о службе моей в Череп^{овецком} военкомате пом^{ощником} воен^{ного} рук^{оводителя} и председателем конской комиссии, а при деле моем личном здесь имеется удостоверение о службе моей в Чер^{еповецком} губ^{ернском} лес^{ном} ком^{итет}е до конца 1921 года и удостоверение о том, что я не был до суда лишен гражданских и избирательных прав. В июле 1925 г^{ода} Череповецкий, в январе 1926 г^{ода} Московский, в июле 1927 и в апреле 1928 г^{ода} Ленинградский Окр^{ужные} суды разбирали дело совершенно тождественное, бывш^{их} офицеров и полицейских чиновников по подавлению революции 1905 г^{ода} и при полном наличии улики и сознания подсудимых в пролитии невинной крови, от показания их всех освободили за давностью. Всего я в заключение более 33 месяцев, из коих 20 месяцев я нахожусь в больницах, страдаю резким артериосклерозом, органическим пороком сердца, миокардитом, эмфиземой легких и неврастенией, мне сейчас 65 год и дни мои сочтены.

Моя просьба последняя, дать мне умереть дома в родной семье, а не в злой темнице. Вопреки манифеста Октября и разъясн^{ению} Циркуляров Нарком^{ата} юст^{иции}, марта 1928 г^{ода}, амнистия ко мне до сего времени не применена. Заявление прокурору Верховного Суда мною подано 4 апреля 1928 г^{ода}, исходящий № 2424, копия приговора и выписка из актов Врачебно-контрольной комиссии о моих болезнях имеются в Верх^{овном} суде при кассационной жалобе <в> декабре 1925 г^{ода}.

Пом<омощник> Прокурора Республики гр<ажданин> Крыленко 6 апреля сего года принял словесное мое ходатайство <от> племянницы моей Е. Н. Коробовой, записал меня и обещал своего содействия.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна, молю Вас, помогите мне в моих последних и тяжких страданиях, служил я честно прежде и сейчас и служил именно народу, это доказано моими девятью свидетелями на суде. На службе моей Советской Власти я не служил за страх и не щадил своего здоровья и жизни, лишь бы исполнить служебный долг.

Примите мои уверения в истинно-глубоком к Вам уважении и преданности.

Иван Николаевич ОСТЕН.

Ленинград.

Больница д<октора> Газа, Переяславская, 1»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 222. С. 355-356. Автограф.